

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК
БАСТИОН

ДРУГИЕ
ТОННель ВРЕМЕНИ

Сергей Иванович Зверев

Тоннель времени

Серия «Потерянный взвод», книга 4

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4977266
Сергей Зверев. Другие. Тоннель времени: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62612-0

Аннотация

Несколько лет назад капитан Александр Стольников обнаружил в горах Чечни тоннель, обладающий уникальными паранормальными свойствами. Через него можно было проникнуть в другой, параллельный мир, в котором кавказская война все еще продолжается, причем по совершенно иному сценарию. И вот бывший начальник Стольникова генерал Зубов назначает капитану тайную встречу и просит его снова проникнуть через тоннель в Другую Чечню, где мятежники удерживают в тюрьме «Мираж» его дочь. Стольников собирает своих бывших бойцов, и группа вновь проникает туда, где объяснить войну и поведение врагов законами логики просто невозможно...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Зверев

Тоннель времени

Глава 1

Шасси гулко ударились о бетон и некоторое время стучали по взлетной полосе Анталии. Они словно собирались сорваться с креплений. Самолет заметно потерял скорость. И когда стало ясно, что ничего страшного уже не случится, в салонах «Боинга» раздались аплодисменты.

Стольников, услышав их, с едва заметной улыбкой посмотрел в окно. Ничего интересного. Минуту назад «Боинг» делал вираж над побережьем Средиземного моря, и этот переход с бирюзовой глади на сушу казался мистическим – словно соединилась вновь цепочка, соединяющая его с прошлой жизнью. Вот это было интересно.

Первое время, начав летать гражданскими авиарейсами в начале двухтысячных, эти аплодисменты казались ему выставленной напоказ глупостью, и он чувствовал неловкость, словно сам в этом участвовал. Потом привык. Аплодировали в основном русские. По той причине, видимо, что самолеты без видимой причины падают только в России. Минуту назад было море, а сейчас – пальмы, пальмы и строй самолетов, прилетевших из Германии, Голландии, Польши... Август в

Турции манит дешевыми отелями, бесплатным спиртным по программе «все включено» и относительно удобным проживанием в номерах.

За последние одиннадцать лет Саша жил, по крайней мере, в двенадцати таких. Первое время скрываться приходилось в Украине. Когда же команда Ющенко стала внимательнее присматриваться к русским, а случилось это сразу после того легендарного отравления, когда президент в буквальном смысле потерял лицо, наевшись каких-то блюд с тяжелыми металлами, Киев пришлось оставить. Прошлое Стольников, как и прошлое любого человека, тянулось за ним, обременяло и давило. Нельзя избавиться от прошлого за один день, поменяв паспорт. В прошлой жизни ты оставляешь память о себе, и достаточно легкого посылы, даже запаха любимого одеколона, чтобы однажды на Крещатике прозвучало: «Стольников, это вы?» Сердце Саши сжалось, и он продолжал движение. Но окликнувший был человеком упрямым. Он догнал капитана и схватил его за руку. «Стольников!» Перед Сашей был один из офицеров штаба бригады в Грозном. Как оказался он здесь, одному богу известно. Вероятно, послужил, наелся боевыми дежурствами и вспомнил об украинских корнях.

– Вы ошиблись, – ответил ему Саша.

– Разве? – пробормотал человек и выпустил руку капитана.

В тот же день Саша улетел из Киева и оказался в Тур-

ции впервые в жизни. Случилось это восемь лет назад, в мае две тысячи четвертого. Потом было еще несколько подобных встреч, и, что удивительно, происходило это всякий раз за пределами России. Это уверило Стольников в том, что спрятаться на планете Земля невозможно. Можно лишь оттянуть момент встречи. Зато есть шанс остаться в живых, и он тем выше, чем ты осторожнее.

Оказавшись в самом начале двухтысячных в центре скандала с разработкой керия, Стольников еще не понимал, что отныне его жизнь разделится надвое: до этого полета на «вертушке» под Ведено, к лабиринту, ведущему в Другую Чечню, и – жизнь после спасения.

Деньги были. Выведя группу из лабиринта, он разделил поровну миллионы Алхоева. Каждому досталось около пяти, и это было хрупкой, но все-таки гарантией спасения. Одиннадцать лет прошло с того момента, когда он, поставив ногу на баул с добычей и глядя в глаза бойцов своего разведвзвода, говорил, почти теряя сознание от усталости:

– Здесь то, что позволит вам оторваться от привычной жизни и исчезнуть для знакомых навсегда. Вы должны сменить фамилии и не появляться на адресах, на которых бывали ранее. Приказать потеряться для родных я вам не могу, но помните: никто из вас сейчас не имеет права заговорить о своих планах. Никто из вас не должен знать, куда уедет и чем займется каждый из нас. Сообщение о своих намерениях в этом лабиринте является смертным приговором то-

му, кто это сделал. До конца ваших дней вас будут преследовать спецслужбы страны. – Помолчав, Стольников добавил: – По выходе из тоннеля, если нам посчастливится, конечно, выйти, мы разойдемся в разные стороны, чтобы никогда уже больше не встретиться. Единственное, о чем я вас прошу...

– Что? – взволнованный словами командира, машинально бросил Мамаев.

– Каждый четверг вы должны покупать газету «Доска объявлений». Если среди объявлений юридических услуг вы увидите объявление: «ООО «Стольников» требуется юрист, зарплата невысокая», знайте, что мне нужна ваша помощь. После этого вам останется только купить билет до Москвы и подняться на второй этаж ЦУМа. После появления объявления я буду ждать вас в течение трех дней с одиннадцати до двенадцати часов. Это все.

Они выходили из тоннеля, оборвавшего их привычную жизнь, молча. Вместе добрались до Владикавказа – ближайшего гражданского аэропорта и оттуда военными вертолетами, наспех обнявшись, улетали – кто в Нальчик, кто в Моздок. Никто не выбирал маршрут. Неважно, кто и куда улетит из Чечни. Главное – из Чечни. Совали деньги пилотам, и вот поднималась в небо «вертушка» с Айдаровым... следом – с Ключниковым... потом – с Масловым... Владикавказ – не Ханкала, контроль ослаблен, и Стольников не ошибся, поставив на этот маршрут.

Они не успевали даже обняться. Так и уходили в небо по

очереди, кусая губы. Никто не знал, что будет дальше. Никто даже не верил, что дальше – будет.

С того дня Саша не видел ни одного из них. Но почти каждую ночь, пытаясь уснуть в очередном на его пути отеле, вспоминал. Ночь наступала, а сон не приходил. И Стольников, чувствуя, что сходит с ума, разговаривал с Пловцовым, Айдаровым, Ключниковым, Крикуновым, Жулиным... Где они? Саша не знал. Часто ему хотелось забыть о собственном же приказе и ринуться на поиски. Дважды он почти терял контроль над собой и был готов совершить эту ошибку. Но после, откладывая поездку умышленно на следующий день, он мысленно благодарил себя за выдержку. На кону стояла не только его жизнь, смысла в которой он с каждым новым годом видел все меньше и меньше. Встреча, случись таковая, могла стать роковой для близких ему людей. Собственно, и искать не было нужды. Просто подать объявление в газету и явиться в столичный ЦУМ.

Но прошло одиннадцать лет. И с каждым уходящим годом Стольников понимал – не все придут. Если вообще придет кто-то. Так он и жил – от желания увидеть людей, дороже которых не было в его жизни, и до невозможности сделать шаг навстречу, чтобы их не погубить.

Сразу после расставания с бойцами капитан потерял связь и с Зубовым, командиром оперативной бригады. Но три дня назад в Инсбруке, где Стольников купил себе квартиру, появился человек. Интерес к себе Стольников почувствовал

сразу. Уже почти забыв, что такое находиться вне поля зрения опасных ему людей, Саша почувствовал, как заполняется тревогой. Встретить одного и того же человека в Инсбруке трижды в течение трех дней – явление нередкое. Но уже при второй встрече любой австриец при этом начинает улыбаться и здороваться. Этот же, черноволосый, лет тридцати пяти на вид, с пронзительно-голубыми глазами и высоким, как у Шамиля Тарпищева, лбом, отводил взгляд и проходил мимо. Так поступают только русские.

Стольников не ошибся. Жить в постоянной тревоге нельзя. Поразмыслив, что сделать: быстро исчезнуть из Инсбрука или начать действовать первым, пока враг этого не ожидает, Стольников привычно выбрал второе. В очередной раз столкнувшись в парке с голубоглазым, он быстро пересек газон и сел рядом на скамейку.

– Ты заметил, что правая моя рука в кармане? – тихо произнес Саша. В пруду кувыркались, словно поплавки при сильной поклевке, утки.

– Заметил, – спокойно ответил голубоглазый.

– Как ты думаешь, что в руке?

– Ничего, – сказав это, голубоглазый оторвал от булки, которую держал в руке, кусок и швырнул уткам. Утки перестали кувыркаться и ринулись к пище как пираньи.

– Ты не турист.

– Я знаю.

– Тогда какого черта тебе от меня нужно? – спросил Саша.

– Мне – ничего, капитан Стольников, – не меняя тона, ответил незнакомец. – Вас ищет Зубов.

Подстава или правду говорит? Говорить, что он не знает Зубова, глупо. Спрашивать, кто такой Зубов, – то же самое. Люди, которые безошибочно находят тебя в Инсбруке, ждут от тебя благоразумия и логики. Выглядеть дураком Стольников не хотел, а потому придвинулся поближе:

– Чтобы сообщить мне это, нужно было ждать три дня? А если бы я сам не подошел, на какой срок вы бы оттянули эту новость?

Голубоглазый подкинул корма уткам.

– Вы утратили чувство собственной опасности, Стольников, – заметил он. – Если я не подхожу к вам, значит, на то есть причины. И сейчас вы поставили меня в затруднительное положение. До сих пор люди, которые следят за мной, не знали, кого я ищу. А теперь вы им облегчили решение этой задачи.

У Стольникова хватило ума не обернуться. Ощущение беды, почти оставившее его несколько лет назад, вернулось.

– Почему бы вам всем не оставить меня в покое? – выдавил он. – Дайте дожить спокойно. Я отработал на правительство за десятерых.

– Успокойтесь. Вас никто ни в чем не обвиняет.

– А есть в чем?

– Нет. Давайте не будем тратить время на бессмысленный разговор. Ваша жизнь в опасности.

– Зубов меня искал, чтобы передать это?

– Да, но вы только что спалили и себя, и меня, – говоривший был спокоен и невозмутим. – Но что сделано, то сделано. Неразрешимых задач не бывает. Вы только что доказали это. Сейчас мы расстанемся. На квартиру больше не возвращайтесь. Уйдите от наблюдения, арендуйте машину и немедленно пересекуте границу с Чехией. В Праге сядьте на поезд и доберитесь до Братиславы. Оттуда – самолетом в Анталию. Здесь, – он уложил на скамью рядом с собой тонкий конверт, – адреса в этих странах, где вы можете остановиться без опаски. Но это не значит, что за вами не будут следить. Отель «Астерия элит» в Сиде. Там вас найдет Зубов.

– Зачем он меня найдет? Кажется, мы попрощались навсегда?

– С людьми вроде вас навсегда не прощаются.

Стольников подумал. Зубову он обязан жизнью. Это он, генерал-майор Зубов, спас капитана и его людей от спецслужб, позволил уйти, рискуя собственным будущим.

– Кто он сейчас?

– Все узнаете в свое время. А сейчас мы должны разойтись. С этого момента ваша жизнь в еще большей опасности, чем была...

– Спасибо, успокоили.

– Вы сами виноваты в этом.

– Что это значит? – удивился Стольников. – Я о просьбе Зубова встретиться.

– По всей видимости, вы лучший из тех, кто умеет делать свою работу.

– С некоторых пор я безработный, – размышляя, как исчезнуть из парка после того, как они поднимутся, напомнил Саша.

– С сегодняшнего дня у вас есть работа.

Все это могло быть провокацией. ФСБ разыскало его и теперь заманивает в ловушку. Не пройдет и часа, как его погрузят в микроавтобус, отвезут в консульство, там введут какой-нибудь препарат, погрузят в ящик и в виде дипломатической почты вывезут в Россию. И там речь снова пойдет о керии, по всей видимости. Правительству необходимо быть уверенным в том, что часть керия, вынырнувшая из Другой Чечни, да так и не оказавшаяся в руках правительства, не передана Стольниковым кому-то еще. Это значит, что при любом решении этой задачи федералами Сашу ждет смерть.

– Черт побери, – пробормотал он.

– Не забудете? – уточнил голубоглазый. – «Астерия элит».

– У меня хорошая память, – заверил Саша и, смахнув со скамьи конверт, поднялся.

Через час он гнал арендованную в «Аламо» «Тойоту Приус» к границе с Чехией. В Праге, на улице Каролине Светлы, он вынул из-за откоса двери ключ и отпер дверь. Нужно было отдохнуть. Два часа он колесил по Праге, проверяясь, но ничего подозрительного не обнаружил. Слежка, если и была, поставлена мастерски. И если он ее не обнаружил, тогда

и суетиться не нужно. Будь что будет. Не разуваясь, он лег на кровать, как был, в одежде, и включил телевизор. Чешского Саша не знал, но хорошо понимал, что происходит на экране: новости сообщали, что в Австрии обнаружен труп человека с паспортом гражданина Швейцарии на имя Майкла Говарда. Между тем власти Швейцарии в Майкле Говарде земляка не узнают. Смерть носит криминальный характер, поскольку в теле швейцарского гражданина обнаружены два пулевых ранения. Саша без труда узнал в покойнике голубоглазого.

Он все-таки заставил себя заснуть. Машину можно было бросить, но тогда «Аламо» могло объявить розыск. Не хватало, чтобы еще и полиция Австрии и Чехии начала за ним охоту. Через час, приняв душ и наспех перекусив в кафе, Саша нашел в справочнике адрес «Аламо» в Праге и отогнал «Приус» на парковку. Сдал ключи оператору и направился в аэропорт на такси...

Полет прошел почти спокойно. Очередной визит в Анталию, несмотря на новые обстоятельства, снова обещал солнце, запах Ак-Дениз, как называют турки Средиземное море, горячий ветер и пение муэдзинов с минаретов.

Вновь продолжался отпуск за собственный счет, и Стольников стал вспоминать его характерные приметы. Динамика загара особенно хорошо заметна, когда в руках рулон туалетной бумаги. От этого прогрессирующего контраста посещения санузла как маленькие радости приобретают новые от-

тенки. В зеркале во всю стену тебе расслабленно улыбается мулат с разрезом глаз кержака. И все настолько хорошо и приятно, что начинаешь подозревать о наличии за этим зеркалом хохочущих турков с ресепшен.

Стольников не любил летать на гражданских самолетах. Заснуть не получается: стоило ему подняться выше облаков, он становился впечатлительным, как такса. За иллюминатором – взбитое со сметаной облаков что-то голубое с чем-то розовым. В этой связи когнитивный Стольников начинал верить, что красивые женщины, алкоголь и «Лендкрузер Прадо» – пустое, обреченное на забвение, не имеющее цены и преходящее. И нужно почаще вот так вот. И все будет хорошо...

На этот раз с соседями ему не повезло. Слева от него восседала тетушка лет пятидесяти, пожалуй, пяти, килограммов восьмидесяти, наверное, девяти, и в руках у нее книжечка «Чудо голодания» Брэгга. Справа – не лишенная миловидности женщина лет тридцати, постоянно повторяющая, что ей страшно. Лучшей компании для четырехчасового полета не подобрать.

Она ужасно боится высоты. Поэтому всегда садится у окна и упрямо смотрит вниз. Лет пять назад под сильным влиянием дьютифришного «Хеннесси» кто-то сказал ей, что лучший способ излечиться от боязни высоты – это наблюдение за ее набором. Под дорогим алкоголем мужчины легкомысленны и дают опасные советы. И вот она уже пять лет лечит-

ся по этой методике от аэрофобии, и никакого толка. Женщины не умеют пользоваться мужскими советами, вот что.

Стольников, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, шепнул ей на ухо, что слева от него происходят ужасные процессы.

– Поэтому не лучше ли нам поболтать? – предложил он. – Хотите, я трону вас размышлениями о природе?

Его предложение не нашло опоры. Предлагать такие темы, когда женщине хочется выбежать из помещения, сказала она Стольникову, безнравственно. Огорчившись, он дал ей таблетку «Глицин-форте», и она уснула. Стольников тоже закрыл глаза и летел так до самых аплодисментов.

Его нашли. Нашел Зубов, отправив к Стольникову одного из своих людей. Чем сейчас, интересно, занят генерал-майор, которого знал Саша? И зачем спустя одиннадцать лет он понадобился Зубову?

Прошлое не оставит тебя в покое. Прошлое нельзя забыть. Оно или погубит тебя, или возродит.

С этими мыслями Саша и спустился с трапа, направляясь к стойке визового контроля. Получив из рук турка паспорт и оглянувшись, Стольников нашел взглядом глаза человека. Битком набитый туристами зал гудел и двигался, но капитан безошибочно, сразу нашел эти глаза.

Прошлое жило рядом с ним.

Он вышел из здания аэропорта и, вынимая из кармана трансфер-ваучер, двинулся к гиду под вывеской «Пегас туристик». До «Астерии элит» полтора часа езды, но это ниче-

го не значит. Он видел те глаза. И видел труп голубоглазого.

За мгновение до того, как двери закрылись и гид начал свой бестолковый рассказ о Турции, Саша налегке выскочил из автобуса, оставив сумку. Не велика потеря – шорты, пара маек и шампунь.

Скрыться среди стойбища автобусов не представило труда. Вряд ли его бегство из автобуса кто-то заметил, а сейчас, обходя огромные махины и просачиваясь сквозь нескончаемый поток туристов, Стольников добрался до стоянки такси и без разговоров сел в желтый «Рено».

– Сиде, – сообщил он водителю в белоснежной рубашке. – «Астерия элит».

– Уан хандрид евро, – оценил маршрут таксист. Повнимательней присмотрелся к Стольникову и добавил: – Сто евро.

– Поехали уже? – улыбнулся Саша.

На подъезде к отелю таксист, которого звали Марик и который родился, вырос и жил в Азербайджане, ответил на телефонный звонок и, прервав свои яркие воспоминания о стройбате во Владивостоке, долго говорил по-турецки, восклицая и прицокивая. Закончив говорить, повернулся к Саше так резко, что Стольникову показалось – он бросил руль.

– Ай, какие плохие новости! Пять минут назад автобус с туристами перевернулся, семнадцать человек погибли!

– «Пегас туристик»? – глядя на скользящее под него безупречное дорожное покрытие, спросил капитан.

– Откуда знаешь? – удивился таксист.

– «Пегас туристик» только и переворачиваются.

– Э-э, ты не прав! В прошлом году...

Он еще что-то говорил, но Саша его не слышал. Оставшиеся пятнадцать минут он молчал, обдумывая свое дальнейшее поведение. Когда машина подъехала к стеклянным дверям, он протянул Марику сто евро, принял от него визитку, вошел в отель и направился к ресепшен. Опять Турция. Только теперь все иначе.

Глава 2

Получив карточку-ключ от номера, Саша прошел в левое крыло отеля, где частоколом стояли магазинчики по продаже всего необходимого туристам, и выбрал шорты-бермуды, рубашку-гавайку, сланцы и панаму. В Манавгате, в десяти километрах от Кизилагача, где и располагался отель, все это можно было купить, он знал, в три раза дешевле. Вернувшись в номер, переоделся и вышел. Солнце палило нещадно. Начало августа на курортах Турции – температурный апогей.

Добрался до ресторана, на скорую руку набрал в тарелку закусок и налил черный кофе. Не надо дергаться. Зубов сам его найдет. Очень скоро.

Не прошло и минуты, как мимо прошли несколько туристов с тарелками в руках, и на столе перед Стольниковым появился сложенный вчетверо листок бумаги. Он стянул его под стол и развернул.

«Через полчаса в центральном бассейне. Аниматоры жгут под музыку».

Капитан вспомнил, что в угаре шопинга забыл про плавки. Пришлось вернуться и за тридцать евро купить подходящие.

Зубова он так и не узнал. Люди двигались бесконечным потоком. Загорелые бывалые сменяли вновь прибывших молочно-белых, женщины – мужчин, атлеты – людей-клизм.

«Сколько сейчас Zubovu? – подумал Саша. – В две тысячи первом ему было сорок девять. Значит, шестьдесят?.. Как бежит время...»

Информация была достоверной. Ровно в одиннадцать аниматоры, коих тут в желтых майках водилось великое множество, устроили отжиг в центральном бассейне отеля. Одна из стройных девушек встала у самого бортика и принялась отплясывать упражнения из курса аэробики для группы здоровья. В бассейн набилось около пяти десятков людей, в основном – старушки и мужчины, с неохотой спустившиеся в воду в поисках неожиданных знакомств. Стольников в плавающих, покрытый шрамами и с мощным атлетическим торсом, выглядел в воде рядом с ними как сумасшедший.

– Арам Зам Зам, Арам Зам Зам!

Гули-Гули-Гули-Гули-Гули-Рам-Зам-Зам!

Арам Зам Зам, Арам Зам Зам!

Гули-Гули-Гули-Гули-Гули-Рам-Зам-Зам,

– звучала зажигательная песня, и девушка у бортика выделяла такое, что Стольников на мгновение даже представил ее в своем номере. Но пока рядом с ним, пытаясь хоть как-то имитировать движения пластичной красотки, старались старухи и молодчики, норовящие пристроиться рядом с веселящимися девушками. Тут же трудились и пожилые мужчины. Желаящих стать здоровее было достаточно. Стоять и ничего не делать было как-то глупо. «Может, это шутка

ФСБ?» – подумал Стольников, начав махать руками, и в этот момент услышал рядом знакомый голос:

– А ты не изменился, только седина в висках появилась!

Не поворачиваясь, Саша с усмешкой бросил:

– Рад вас видеть, товарищ генерал. Вот уж не думал, что наша встреча случится именно так! Всяко представлял – стою на ковре в вашем кабинете в Москве, в одном окопе под минометами чехов. Но чтобы вот так...

– Ты похож на царя Леонида среди евнухов! Почему не танцуешь? Это подозрительно.

Издевается... Стольников обернулся. Зубов тоже почти не изменился – та же стать, животика, привычного для оседлых генералов, нет. Только весь седой. Абсолютно. Словно кто-то вылил генералу на голову ведро белой эмали.

– Эка вас побелило, – не выдержал Стольников.

– Теперь поют только туристы из Германии!

– Арам Зам Зам, Арам Зам Зам!..

– Полчаса назад я услышал о катастрофе автобуса «Пегас туристик» и пожалел, что тебя сюда вызвал...

– Я оплатил два тура, – объяснил Саша. – Один в «Пегасе», второй в «Натали-тур». В последний момент выскочил из автобуса и доехал на такси. Меня было трудно отследить.

– Да, но здесь везде глаза и уши.

– Это могло быть случайностью. Просто повезло.

– Тебе на самом деле повезло. Если бы ты не свернул себе шею во время падения автобуса с моста, то в одной из приехавших карет «Скорой помощи» тебя прикончили бы люди, специально для этого присланные.

– Меня могли прикончить за эти одиннадцать лет без этих сложных комбинаций! Зачем так рисковать?

– Не могли. Хорошо прятался! Слушай меня внимательно...но...

– А теперь только девушки из России!

– Арам Зам Зам, Арам Зам Зам!..

– С кем из своих людей ты держишь связь?

– Ни с кем, – отрезал Саша. – Я запретил сообщать друг другу наше местонахождение.

– Мудро. И все-таки тебе придется найти их. Или тех, кто остался. Мне известно, что, по крайней мере, живы Жулин, Ключников и Айдаров.

Стольников покачал головой и сделал шаг к Зубову.

– Может, объясните, зачем вы меня сюда вытащили?

– Во-первых, тебе грозила опасность. ФСБ вышла на тебя в Инсбруке, и им оставалось только разыскать тебя в городе. Во-вторых, ты мне нужен.

– Ч-черт, мы не можем выбраться из этого водоема и побеседовать в спокойном месте?!

– Можем. Город Манавгат. Найдешь?

– Я знаю, где это.

– Через три часа у восточного входа на вещевого базар.

Сейчас там суматоха, как и всегда по средам.

– А вы неплохо стали разбираться в рынках, – усмехнулся

Стольников, поспевая за выкрутасами девушки.

– Я неплохо разбираюсь в местах скопления людей.

– Где сейчас работаете?

– На правительство, сынок.

– Но я-то на правительство не работаю?

– Через три часа. У восточного входа.

– Только children!

– Арам Зам Зам, Арам Зам Зам!..

Выбравшись из бассейна, Стольников вставил ноги в сланцы, накинул на плечи рубашку и, перекинув шорты через плечо, направился к своему бунгалу. Он шел, поглядывая по сторонам, не зная, радоваться ему или бежать отсюда сломя голову. Жизнь в относительном покое, вдалеке от свиста пуль и разрывов снарядов, была приятна и казалась наградой за годы риска. Но эта же жизнь вытраивала из него то, ради чего и во имя чего он существовал, – жажду риска, потребность в игре с огнем, необходимость общения с друзьями. Он шел и уже не сомневался, что выберет через три часа.

Капитан вставил карточку в замок, и он едва слышно

щелкнул, подмигнув зеленой лампочкой. Войдя, Стольников машинально отметил, что сандалия, прислоненная к запертой двери ванной комнаты, лежала теперь вверх ногами в метре от двери. Горничная?

Она поставила бы сандалию ко второй, у порога.

Быстро скинув сланцы, Стольников перехватил с плеча шорты и быстро намотал их на предплечье левой руки. Он делал это машинально, не руководствуясь логикой.

Сделал шаг вперед и с кувырком вкатился в комнату.

Тот, что стоял у стены, не рассчитывал на такое появление. Голову хозяина номера он представлял на метр выше. Туда и ударил изо всех сил вынутым из пожарного ящика топором. Врезавшись в наличник двери, топор с грохотом перерубил его. Обе половины наличника отскочили от двери в облаке гипсовой пыли.

Они не хотят стрелять, понял Стольников. Хотят, чтобы все выглядело как пьяная разборка русских. Сколько здесь всякого быдла, напивающегося непригодным для питья бесплатным пойлом и устраивающего скандалы? Вот и теперь русские перебрали и подрались. И один ударил другого случайно прихваченным по дороге оружием – пожарным топором...

Не вставая с пола, Саша прокрутил «вертушку» и ударом ноги сбил первого напавшего с ног. Тот упал на спину, не готовый к отпору, топор вылетел из его рук и звонко отстучал по керамогранитной плитке пола. В номерах бунгало нет

коврового покрытия, эта роскошь, которую Стольников всегда считал источником заразы, была только в главных зданиях отелей.

Второй вылетел, как и предполагалось, из ванной, и в руке его, как Стольников и думал, был нож. Ничего особенного – нож как нож, без претензий на причастность к спецмероприятиям, просто лезвие с ручкой – таких на прилавках сувенирных лавок пруд пруди. Еще одно доказательство бытового убийства – топор как случайное оружие и нож, купленный с лотка. Турки здесь вообще ни при чем, спецслужбы тоже.

Саша отразил удар левой рукой, но какой бы нож ни был, это все-таки остро отточенное лезвие. Разрезав шорты на предплечье Стольникова, оно добралось до кожи, и когда Стольников делал шаг в сторону, пропуская мимо себя инерцию летящего вперед тела, почувствовал в руке резкую боль.

«Ничего, не с внутренней стороны, вены целы», – решил он, бросаясь к владельцу ножа как к источнику наибольшей опасности.

Тот уже успел развернуться, но к новому удару готов не был.

Стольников ударил его ногой в ногу и поставил на одно колено. С прыжком опершись на это подставленное, как ступенька, колено, он второй ногой ударил напавшего в нос.

Саша почувствовал, как под его коленом ломается носовая перегородка и как мускулистое тело его врага, обмякнув, уходит в сторону.

Развернувшись, Стольников перекатился в сторону. И топор, снова не найдя заданной цели, с глухим стуком врезался лезвием в пол. Гранитная плитка раскололась, какая-то часть ее с искрами подлетела...

На лету схватив этот кусок, Стольников острым концом ударил противника в глаз. Человек выронил топор. Сквозь пальцы его, обхватившие лицо, плыла густая черная жижа, когда-то бывшая глазом. Из рассеченной брови как из проткнутого бурдюка бежала кровь. Он сделал шаг назад, позволив Стольникову как следует рассмотреть себя, и тоже стал заваливаться.

Тянуть больше было нельзя.

Схватив топор, Стольников подумал и отшвырнул его в сторону. Вернувшись к первому, оглушенному, с размаху ударил его кулаком за ухо. Даже не сомневаясь в тяжести причиненного ущерба, Стольников снова бросился к хозяину топора.

Соппротивление шло по нисходящей. Капитан уже давно прирезал бы обоих, но ему не хотелось оставлять после себя много крови. Пусть все будет, как задумали напавшие – пьяная драка русского быдла.

Обхватив голову потерявшего волю к сопротивлению первого, он свернул ему шею.

Поднялся и посмотрел на того, что лежал у окна. Перелом основания черепа – это смерть. Но бессознательное состояние второго еще не было доказательством того, что с ним

кончено. Стольников знал, что люди с такой травмой имеют особенность вдруг вставать и жить как ни в чем не бывало. И только спустя сутки внезапно прощаются с жизнью. Сутки – это слишком долго.

Стольников забыл, когда убивал в последний раз. Это никогда не доставляло ему удовольствия, однако и угрызений совести по этому поводу он никогда не испытывал. Потому что убивал всегда на войне. И эти убийства были частью войны. Той, закончившейся для него одиннадцать лет назад.

– Черт бы вас побрал... – поморщившись, процедил он.

Бой длился не дольше минуты, во время его не прозвучало ни одного крика. Если не считать грохота топора, внесшего некоторые изменения в интерьер номера, можно было заявить, что вообще ничего не случилось.

Камуфлировать произошедшее пьяной дракой было все-таки трудно. Непонятно, каким образом один свернул шею второму, после чего второй сломал первому гортань.

«А пусть ищут третьего или группу лиц, которые прикончили этих двоих», – решил капитан.

Он мог оставить все, как есть. Но на ресепшен оставалась ксерокопия его паспорта на имя Евгения Борисова. У него с собой еще два паспорта, один из которых на имя гражданина Украины Никиты Лазарчука. Но если будут опознавать выезжающих из Турции по ксерокопии фотографии, придется туго. Поэтому следовало что-нибудь придумать.

До встречи с Зубовым оставалось почти те же три часа.

Езды до Манавгата на такси – пятнадцать минут. За оставшееся время можно снять короткометражный фильм.

Выглянув из номера, Стольников убедился в отсутствии персонала и туристов. Лишь где-то на втором этаже бунгало стучала швабра горничной. И все-таки он не решился тащить трупы в холл.

Саша вышел на балкон, закурил и посмотрел на спаренное с его террасой пространство. Веревка для сушки купальников пуста. Значит, отдыхающие на пляже. Но открыт ли балкон?..

Спрыгнув на землю, он убедился: балкон открыт, и всю работу делает кондиционер. Ну, понятно: здесь живут русские. Теперь нужно действовать молниеносно.

Стольников поднял на плечо первого, спустился с ним на землю, после чего закинул труп на соседнюю террасу. Заволок в номер и уложил на пол. Точно так же поступил и со вторым.

– Мне сегодня невероятно везет, – вытирая пот со лба, проговорил капитан. – Если только за моим ребрендингом не любовался кто-нибудь в окно соседнего бунгало.

Оставалось последнее.

Он вцепился пальцами в наличник двери, ведущей из коридора в комнату, и с треском оторвал.

– Гриша, чем ты там стучишь?

Услышав этот голос, Стольников помертвел.

«В ванной!»

– Гриша?..

– А? – отозвался капитан.

– Чем ты там стучишь?

«Трупами!» – подумал Стольников и, прихватив наличник, быстро покинул номер.

Уже у себя, смахивая ручьи пота с лица, он приспособил наличник на место сломанного. Все номера в бунгало идентичны по цвету и наличию имущества.

Через мгновение услышал в соседнем номере душераздирающий женский визг.

– Нужно свалить до приезда полиции, – пробормотал Стольников и вдруг поймал себя на мысли, что привычку бормотать вслух, находясь в одиночестве, утратил одиннадцать лет назад. И вдруг она вернулась.

Вытерев пол и приладив кусок плитки к полу, он осмотрелся и нашел место достаточно непохожим на то, где прикончили двоих человек.

Быстро переодевшись и рассовав по карманам документы и деньги, Саша поморщился от боли. Рука хоть и не глубоко, но была порезана.

– Как же тебя спрятать-то? – опять пробормотал он, думая о ране. В конце концов он накинул на перемотанное шортами предплечье рубашку и вышел в холл.

Уже довольно внушительная толпа туристов из разных стран на разных же языках обсуждала случившееся. Постояв рядом пару минут, Стольников развернулся и направился

к въезду в отель. Когда он выходил из ворот, мимо него, торопясь к главному корпусу «Астерия элит», торопились две полицейские машины.

– До Манавгата? – поинтересовался он у ближайшего из сидящих в тени таксиста.

– Двадцать евро. Ненормальная цена. Восемьдесят евро. Нормал цена. Шестьдесят евро – убыток.

– Короче, восемьдесят евро?

– Нормал цена!

– Поехали.

Кровь тяжелила повязку. Нужно было добраться до ближайшей аптеки, купить обезболивающее, шприцы и бинты. А пока делать все возможное, чтобы не испачкать машину. Сиде – тесный район. Вести ходят быстро. Так же быстро таксист опишет человека, который отъехал от «Астерия элит», переплатив вчетверо, будучи в крови.

Глава 3

Зубов торговался с турком, пытаясь выкружить разноцветный фонарь на цепочках. Стольников сразу понял, что фонарь Зубову нужен как умирающему ипотека, хотя со стороны могло показаться, что русский седой мужик имеет в кармане двадцать баксов и готов приобрести на них только фонарь ценою в сорок. Заметив Стольникова, Зубов торговаться перестал, закурил и пошел прочь от прилавка. Обнаружив, что клиент утратил желание торговаться, турок согласился на двадцать, но Зубов махнул рукой и пошел дальше. Стольников, осторожно поглядывая по сторонам, направился за ним.

Зубов шел, не останавливаясь, вскоре Саша понял, куда он идет – в самую гущу туристов. В конце концов они вынуждены были встретиться.

– Что с рукой?

– Нож.

– Где?

– В номере.

– Кто это был?

– В карманах документы граждан Азербайджана. – Саша пропустил пересекавших ему дорогу двух женщин и догнал генерала. – Я перевел тему в другой номер, но к вечеру все откроется. Полиция уже там.

Зубов понизил голос:

– Сейчас выйдем из рынка, слева по улице увидишь аптеку.

Когда они расходились, Стольников увидел турка с фонарем в руке.

– Двадцать! – прокричал турок и добавил: – Э-э-э!.. – огорченно.

Зубов вынул из кармана двадцатку.

Аптека оказалась просто дверью в сплошной стеклянной стене дома, в которую были вмурованы не менее десяти магазинов.

Они встали у витрины, глядя друг на друга в стекло.

– Ты мне нужен, Саша.

– Что-то личное?

– Да или нет?

– Кто вы? – выдержав паузу, спросил капитан.

Вопрос не выглядел глупо. Последняя должность, которую занимал Зубов, не предполагала помощь Стольникова.

– Я работаю на правительство. Ты единственный, кому я могу доверить эту работу.

Стольников не выдержал, но рассмеялся все-таки беззвучно.

– Я бывший офицер, неудачник, который не смог стать даже майором. В последний раз оружие в руках я держал одиннадцать лет назад. Мне сорок четыре года, у меня ни семьи, ни дома! У меня даже настольной книги нет, потому что нет

стола! Когда я сплю, то закрываю только один глаз, а вчера мне приснилось, что трахаю Ангелу Меркель! Вы не знаете, к чему этот сон?

– Ты слишком много прожил в Германии и Австрии.

– Нет, это к психиатрической больнице! – возразил Стольников. – Час назад я сворачивал шеи каким-то азербайджанцам и при этом думал, что неплохо бы выпить пепси. Я на грани полного разложения, а вы мне говорите, что я вам нужен... – Саша замолчал и уставился в окно сквозь стекло. На улице турецкий мальчонка пытался накормить кошку леденцом на палочке.

– Это не азербайджанцы.

– Неважно!

– Не веди себя как ребенок. Я не приглашаю тебя на службу. Я прошу тебя о личном, – проговорил Зубов.

– О личном? С каких пор правительственные дела стали вашими личными?

– Речь о моей дочери.

Стольников оторвал взгляд от стекла и уставился на генерала.

– У вас есть дочь?

– Ты хотел спросить, какие у меня в этой связи проблемы?

– В общем, да, – согласился Стольников.

Из-за прилавка вышел турок и рукой показал на столик, стоящий в углу аптеки. В помещении было прохладно, работал кондиционер, на улице была нестерпимая жара. Види-

мо, догадавшись, что русским есть о чем поговорить, хозяин предложил делать это с удобством. Нужно было отплатить за гостеприимство, и Саша вынул из кармана деньги.

– Обезболивающего, пару шприцев, борную кислоту и салфетки, – и протянул двадцать евро. – Сдачи не надо.

Турок переусердствовал в благодарности: через минуту к столику поднесли чай в тоненьких, тонкостенных стаканчиках.

– Чечня сильно изменилась за время твоего отсутствия.

– Да я знаю, – с досадой, что вынужден отказывать человеку, которому обязан, ответил капитан. – Грозный-сити, лимузины, бразильцы играют на стадионе, Ван Дамм на дне рождения у Кадырова. Трудно поверить, что одиннадцать лет назад вместо этого был только битый кирпич.

– Я о другой Чечне... – и Зубов посмотрел на Стольникову.

– Я пытаюсь о ней забыть.

– Нельзя забыть то, что стало частью тебя.

Саша не стал возражать.

– Тебе интересно, что сейчас там, что связывается лабиринтом с этим миром? – Зубов прищурился. – Больше нет ни завода по переработке керия, ни крепости со средневековыми жителями.

– Понятно, – усмехнулся Стольников. – Все необыкновенное, что оказывается в руках Российского правительства, сразу утрачивает свою необыкновенность. И что там теперь?

Пустырь?

– Нет, тюрьма.

Стольников расхохотался. Теперь в голос. На лице генерала не дрогнул ни один мускул.

– Господи, – заговорил Саша, – есть что-то, что Кремль не способен превратить в тюрьму?!

Зубов бросил на стол десять долларов и поднялся:

– Прости, что побеспокоил. Я ошибся.

Подумав, Стольников догнал его у входа.

– Я совсем одичал в этой жизни. Нервы ни к черту.

– Если ты хочешь помочь мне, то нервы тебе придется лечить.

Они вернулись за столик, турок принес рахат-лукум. Саша подумал, способны ли русские аптекари на это в качестве благодарности за покупку пары шприцев и решил, что нервы у него действительно ни к черту, если он об этом думает.

– В Чечне, в которой ты однажды побывал, в Другой Чечне, построена тюрьма. Она действует уже три года. Там отбывают наказание те, для которых смертная казнь – смягчение режима.

На лице капитана появилось выражение, которое заставило Зубова излагать более понятно.

– «Черный лебедь» и ей подобные тюрьмы для пожизненного лишения свободы для простых людей являются конечной точкой жесткости, которое способно проявить государство после моратория на смертную казнь, – сказал он, вынув

сигареты и со вздохом снова убрал. – Если ты смотришь телевизор, то знаешь, что каждый день на Кавказе, то в Ингушетии, то в Дагестане, ликвидируют банды. Три, пять человек...

– Простите, я не понимаю, какое отношение к этому имеет ваша дочь.

– Ты совсем разучился слушать, – заметил Зубов.

– Слушать я еще не совсем разучился, товарищ генерал.

Я совсем разучился разговаривать.

– Научишься.

– Если захочу помочь вам?

– Точно.

– И что с теми боевиками?

– На самом деле погибают при ликвидации не все. Из пяти – два, из трех – один. Остальные оказываются в этой самой тюрьме. «Черный лебедь» – официальное заведение, там по душам с бандитом не поговоришь... Правозащитные организации, адвокаты, родственники...

– Пока не догоняю.

– Тебе придется это сделать...

– ...если я хочу вам помочь.

– Верно. Что может быть лучше, чем спрятать место заключения убийц, насильников и тому подобных зверей и работать с ними подальше от глаз людских? Как-то нужно получать информацию, верно? Пытались в колониях особого режима, но едва не получилось как на Гуантанамо. Просочи-

лась информация о допросах с пристрастием, едва удалось замять скандал... И вдруг кто-то вспомнил о Другой Чечне.

Саше очень хотелось курить. Все, что говорил Зубов, он понимал, но относился к этому с осторожностью. С одной стороны, было непонятно, как боевой генерал стал тюремщиком, с другой стороны, Стольников многое упустил в этой жизни, скрываясь и избегая лишней информации. Быть может, спустя одиннадцать лет это и есть единственный способ борьбы с терроризмом?..

– С керием было покончено, – продолжал Зубов. – Образец, что ты мне передал, находится в надежном месте. Это так, гарантии моего будущего спокойствия. Не хочется на закате лет умирать от отравления или еще какой-нибудь нелепой шутки ФСБ. Керий есть теперь и у правительства, но его до поры никто и никогда не применит. Он способен изменить мир до неузнаваемости, а это не входит в интересы России. Однако такая территория пустовать не может. И тогда было принято решение обустроить там место содержания для особо опасных преступников, как место работы с ними. Строго говоря, это просто серпентарий. Гадов различных пород изолировали от окружающей среды, изучают, дезактивируют, изучают собранный у них яд... Я пока понятно объясняю?

– Пока – да.

– До некоторых пор информация о «Мираже», как называется ныне тюрьма в Другой Чечне, была абсолютно сек-

ретна. Больше нет пещерки, через которую проникают в тоннель. Теперь на ее месте стоит здание за высокими стенами, и попасть туда не в состоянии сам Кадыров. Ходят слухи, что это здание – атомная электростанция. Мы их не опровергаем. Фактически же на поверхности торчит дом, внутри которого химическая лаборатория. Эту информацию мы тоже не опровергаем, давая простор публике для фантазий.

– А персонал?

– Персонал думает, что это и есть химическая лаборатория федерального значения. Пришлось развернуть там НИИ химического анализа и пригласить на высокооплачиваемую работу специалистов. Они работают, живут в городке у НИИ, который охраняется не так усиленно, как сам НИИ, и туда доступ разрешен, хотя и режимный. На самом же деле все это прикрытие. В этот НИИ доставляются утратившие человеческий облик звери со всей страны, чтобы быть доставленными в «Мираж».

Стольников откинулся на спинку стула.

– Я не буду сильно нетерпелив, если еще раз спрошу, при чем тут ваша дочь?

– Теперь нет, – и Зубов тоже отвалился, напрягшись. – Ирина – сотрудница общественной организации по защите прав человека в России.

Стольников хищно улыбнулся.

– Мы не всегда находили с ней общий язык, – покосившись на Стольникова, объяснил генерал. – Чего ты оскалил-

сы? Дети военных нередко своенравны. Это объясняется долгим отсутствием пап.

– Значит, информация все-таки просочилась? – не переставая улыбаться, уточнил Саша.

– Да, капитан. Она просочилась и стала навязчивой идеей некоторых неугомонных активистов движения за права человека. И вот четверо молодых людей с активной жизненной позицией, среди которых была и Ирина, проникли сначала на территорию жилого комплекса НИИ, а потом и в тоннель...

Стольников поднял брови.

– Где же они взяли навигатор?!

– Навигаторы есть, дешево, хорошие, нормал цена, я могу показать, – приблизился турок.

– Потом, – согласился Стольников и наклонился к Зубову. – Где-они-взяли-навигатор?

Зубов покрутил мощной шеей и наконец поднял глаза.

– Сейчас не нужен навигатор для появления в Той Чечне. Но всю информацию дочь отыскала в моем сейфе.

Стольников покачал головой и закрыл лицо руками. Потом раздвинул пальцы и посмотрел на генерала одним глазом.

– И это мне говорят, что это я утратил бдительность! А откуда ваша дочь знает, что в сейфе есть информация, которая может привести в Другую Чечню, и откуда она вообще о тюрьме знает?

– Они взломали мой почтовый ящик с правительственной перепиской. Тем же путем добыли пароли, схемы и маршруты...

– Подождите! – перебил Стольников. – Вы?..

– Я начальник тюрьмы «Мираж», Саша.

– Твою мать... – капитан окаменел и уставился в одну точку.

– В тот момент, когда группа с Ириной прибыла в «Мираж», в тюрьме произошел бунт. Сейчас «Мираж» находится под полным контролем тех, кого мы туда водворили за три года...

– Значит, ваша дочь...

– Она в руках бандитов.

Растерев лицо руками, Стольников выдохнул и залпом выпил чай.

– И что бандиты теперь хотят? Освобождения, самолет, тонну героина и пятьдесят миллионов долларов на брата?

– Почти угадал. Правда, они не понимают при этом, где находятся. Они думают, что в Грузии. Поэтому желают колонну грузовиков к воротам тюрьмы для беспрепятственного следования в аэропорт. В аэропорту должны стоять три «Ила». Ну и, конечно, пилоты, деньги... Тебе это важно? Все равно никто ничего не даст.

– Не важно.

– Мне дали трое суток для освобождения Ирины, – Зубов стал крутить пальцами зажигалку. Из Чечни – Стольников

помнил ее – «Зиппо» с профилем Че Гевары.

– А потом?

– Потом начнется штурм. Это означает полное рассекречивание «Миража». Иначе говоря, около ста миллиардов рублей из государственной казны вылетит в трубу. Плюс к этому тайна о существовании Другой Чечни станет мировым достоянием. И тогда использовать ее можно будет только открыто, что, конечно, противоречит государственным интересам России.

– Да уж конечно! – не выдержал Стольников. – Что и кто только не противоречили государственным интересам России! Сначала Чингисхан, потом Наполеон, потом капитан Стольников, а теперь вот еще и крытка подпольная!..

– Я не уверен, что можно спасти тайну Другой Чечни, но я хочу спасти дочь, – не замечая сарказма капитана, сказал Зубов. – Но для этого я должен быть уверен в человеке, который возьмется за это дело, как в себе. Я бы пошел сам, но годы, Саша, годы... Я все испорчу, вот в чем дело... Ты меня понимаешь?

Вместо ответа Стольников уставился в окно.

– Саша?

Капитан не отвечал. Кошка за окном была все та же, но турчонка уже не было. Кошка развалилась в тени и пьяными глазами наблюдала за прыжками воробья по бордюрному камню.

– Я живу здесь, – Зубов вынул из сумки и положил на стол

рекламный проспект отеля. Это был не «Астерия элит». – В семнадцать часов мой трансфер в аэропорт. Тебе тоже нужно срочно покидать Турцию. Желательно прямо сейчас.

Поднявшись, Зубов тяжело двинулся к выходу. Стольников даже не повернулся. Генерал вышел из аптеки и вскоре исчез из поля зрения. Найдя в принесенных аптекарем лекарствах пузырек с аспирином, Стольников вытряхнул из него одну таблетку в рот и запил остатками чая из генеральского стаканчика.

Зубов стоял у входа в отель и задумчиво тянул сигарету. Багажа у него с собой было – та сумка, с которой его видел Стольников. Трансферный гид переминалась с ноги на ногу у двери автобуса, ожидая, пока водитель затолкнет чемоданы туристов в подполье автобуса. Докурив, Зубов размял окурок в урне и разжал пальцы. И в этот момент увидел Стольникова, стоявшего в нескольких шагах от него. Подпирая плечом лже-античную колонну, соединяющую мрамор пола с плитой огромного козырька, капитан смотрел за генерала сквозь стекла темных очков и потягивал минералку из бутылки.

– Что-то особенное есть в этой жаре, товарищ генерал. В Чечне просто жара, а здесь она отбивает всякое желание думать о работе. Может, мы закончим разговор где попрохладнее?

– В сауне?

– Лучше в какой-нибудь гостинице Грозного. Но сначала мне нужно заскочить в столичный ЦУМ. Я порядком поизносился во время странствий.

– ЦУМ – не лучшее место для шопинга. Набрав тамошние цены на мобильном телефоне и нажав вызов, можно запросто поболтать с кем-нибудь в Бразилии.

Стольников бросил бутылку в урну.

– Послезавтра, в отеле «Арена-сити». Это в центре Грозного.

– Но у меня всего трое суток, Саша! – бросил ему вслед генерал.

– Это значит, что у меня в запасе целые сутки.

Отойдя к такси и наклонившись к таксисту, он бросил:

– Марик, аирпо-от Анталя. Я правильно говорю по-турецки?

Глава 4

Зубова в Грозном знали как начальника УФСИН по Северо-Кавказскому федеральному округу. Начальник управления исполнения наказаний, поставленный Москвой, – человек видный. Но никто не помнил случая за последние семь лет, чтобы кому-то удалось навязаться ему в друзья и влиять таким образом на положение дел с осужденными. Как лицо известное, генерал – теперь уже генерал-полковник – Зубов передвигался по Грозному на «Мерседесе» с джипом сопровождения. Он входил в любые учреждения и первым выслушивал приветствия. Поэтому, когда он появился в отеле «Арена-сити» на улице Полярников, в белой рубашке и черных брюках, словом, в выходном костюме, портье совершил какой-то немыслимый трюк и администратор проявился через несколько секунд. Генерал выглядел как отпускиник, и только кожаная папка под мышкой немного настораживала.

– Меня здесь ждут люди из Москвы, – сообщил он, глядя поверх голов персонала.

– Да-да, Александр Львович, – кивнул администратор. – Они в триста втором номере. Вот только...

– Что только?

– Ведут себя...

– Что такое?

– Правила гостеприимства...

– Не тяни kota за яйца.

– Избили службу безопасности, разбили вазу... зачем бить вазу?

– Кто здесь хозяин? Хозяин здесь Малибеков. Малибеков имеет претензии? – Зубов посмотрел на часы.

– Нет-нет, Александр Львович!

– Тогда зачем ты мне все это рассказываешь? Среди вас мертвые есть?

– Нет, – подумав, ответил администратор.

– Это должно быть причиной вашей искрометной радости. Вы, видимо, просто не сильно их разозлили. Веди!

Поднимаясь вслед за услужливым администратором, Зубов подумал, что еще лет десять назад этот устроившийся сюда по протекции главы тейпа чех поливал огнем колонны русских солдат. Сидел, сука, за валуном с пулеметом и бил наверняка, целясь в головы. Понятия не имел о костюме и не знал, что нож можно использовать одновременно с вилкой. А теперь работает администратором и размышляет нравственно.

Судя по описанию событий, недавно случившихся, Стольников приехал. И привел с собой кого-то еще. Это ранее не обговаривалось, но генерал и не думал противоречить капитану. Пусть делает все, что считает нужным. Лишь бы вернуть Ирину.

Постучав, администратор посчитал свою миссию окон-

ченной и хотел улизнуть, но мстительный Зубов поймал его за локоть.

– Однако надо порядок навести, – заметил он. – А то все так из Москвы будут приезжать и вазы бить, верно? Пойдем, родной, разберемся.

В открывшуюся дверь он чеха почти втолкнул.

Узнав генерала, посветлевшие Ключников, Айдаров и Жулин встали. Однако не знали, как правильно вести себя в присутствии администратора.

– Буяним? – поинтересовался Зубов, осматриваясь.

Помимо вазы были разбиты: торшер, окно, люстра и огромное настенное зеркало. Причем последнее из перечисленных стеклянных изделий хранило на себе две вмятины, какие обычно появляются на ветровых стеклах автомобилей, когда сбитый пешеход бьет по нему головой.

– Это ничего плохого! – заверил администратор, и только сейчас Зубов заметил у него на лбу ссадину. – Ваши друзья немного поспорили, и все.

– Мы кофе попросили, а он говорит: «Сбегай и налей», – объяснил Ключников, присаживаясь на подлокотник кресла.

– Что же вы так с руководством химического министерства? – вкрадчиво полюбопытствовал Зубов, кладя руку на плечо администратора. – Ваша как фамилия?

– Усенов, товарищ генерал. Мы сейчас все приведем в порядок.

Зубов подтолкнул его в спину. Вести в Грозном распро-

страняются молниеносно. Через два часа все, кому нужно, а самое главное, кому не нужно, будут знать, что Зубов принял приехавших из Москвы боссов химического министерства. Главное, назвать организацию «химическим министерством», а чехи сами ему название придумают.

Вообще, боссы выглядели странно для высоты своего руководящего положения. В джинсах, накачанные, коротко стриженные и одетые как для уик-энда – в цветастых рубашках и легких мокасынах. Улыбнувшись, Зубов подставился под объятия.

– Молодцы, – съерничал он. – Прибыли незаметно. Четверо?

– Столько откликнулось в течение трех часов, товарищ генерал, – объяснил Стольников. – Слава богу, Татарин и Ключ живут в Москве, а Жулин в Зеленограде. Приехали быстро.

– Вы не представляете, какой толщины в моей квартире подписка «Доски объявлений» лежит, – неожиданно для генерала сказал бывший прапорщик Жулин. – Она уже выше меня.

– При чем здесь «Доска объявлений»? – не понял Зубов. Айдаров рассмеялся.

– Да это так, дело прошлое, – пояснил Ключ, но все-таки рассказал генералу, как они встретились.

Зубову очень хотелось сказать, что они не изменились с той поры, как он видел их в последний раз. Хотелось сказать еще и для того, чтобы быть уверенным – они не утратили

тех качеств, которыми славились. Но тогда бы Зубов погрешил против истины. Все очень сильно изменились. Бывшие «срочники» Айдаров и Ключников оправданно заматерели, время превратило двадцатилетних бойцов в крепких мужчин.

– Оставим приветственные речи на потом, хорошо? – подвел черту встрече Стольников. – Как я понимаю, у нас двадцать два часа, чтобы спасти девушку. – Подойдя к столу, он наклонил его, и на пол ссыпались осколки и журналы. – Нам нужны схемы объекта, прибор для движения по тоннелю, снаряжение и оружие. Вот список.

Саша положил на стол исписанный лист бумаги.

– Чем быстрее мы это получим, тем быстрее приступим.

Зубов поднял листок, пробежал его глазами, скомкал и сунул в карман.

– Я введу вас в НИИ и проведу к лабиринту. Вот универсальный пульт, открывающий замки на вашем пути, – замок на папке с визгом разошелся. Вынув прибор, генерал протянул его Стольникову. – Это на тот случай, если откажет система доставки.

– Система доставки? – переспросил Стольников.

– Точно.

Уточнять Саша не стал. Зубов знает, когда и что рассказывать. Только поэтому он, капитан, еще жив.

– Вот так так, – удивленно усмехнулся Саша, рассматривая пульт, который без труда умещался в его ладони. – А я

помню его другим.

– Время идет, приборы меняются, – объяснил Зубов. – В две тысячи первом у тебя и телефона-то не было. Теперь – главное: никаких схем не будет. Снаряжения не будет. Оружия не будет. Вы должны смешаться с заключенными. Они одеты так же, как и вы, специальной униформы для них не существует. В чем брали, в том и ходят. Все необходимое добудете там. Как – не знаю. Я не могу вас вооружать и на глазах персонала НИИ отправлять в подвал. Вы должны незаметно пройти со мной через институт и так же незаметно войти в лабиринт. Не забывайте, что люди в институте понятия не имеют ни о какой Другой Чечне.

Стольников рассмеялся, окинув взглядом приятелей.

– Да будет так. Первый раз, что ли?

– И вот еще что... – Зубов оперся на стол и опустил глаза. – Это мое личное дело. Личное. Это значит, что не будет ни вознаграждения, ни внеочередных воинских званий, ни даже благодарности в личное дело. После завершения операции, чем бы она ни завершилась, я даже не смогу легализовать вас как членов общества.

– Мы все – бывшие, – тихо произнес Жулин. – Зачем нам звания?

– Бывших среди вас не бывает, – угрюмо отрезал Зубов.

Стольникову надоела эта прелюдия. Понятно, что Зубов как утративший дочь отец пребывал в удрученно-патетическом состоянии. Но делу это никак не помогало.

– Что мы знаем из того, что может оказать услугу во время работы? Кто руководит сейчас тюрьмой, где находится девушка? Сколько там вообще человек? Где находится оружие? Я должен все знать!

– Хорошо, – согласился Зубов. – В тюрьме в данный момент находятся семьсот двадцать восемь человек заключенных. А еще сто восемь человек караульной службы и персонала, и оружие, по всей видимости, находится не у них. Теперь ты знаешь все.

– Прикольная информация, – согласился Стольников, забирая из кресла сумку. – Нам пора.

Через полтора часа, смеясь и отпуская сарказмы по поводу дорог, которые в их памяти сохранились как накатанные колеи, а теперь были почти зеркально ровными, Стольников и его бойцы добрались до института химического анализа. За одиннадцать лет их отсутствия Чечня преобразилась до неузнаваемости. Всю дорогу, сидя внутри бронированного «Мерседеса» и глядя в окна, они вспоминали развалины, груды битого кирпича, надписи краской на стенах и пулевые отверстия с домовых панелях. Вместо «Добро пожаловать в ад!» теперь красовалась реклама ведущих мировых брендов, вместо «Не стреляйте, здесь живут люди» – предложения о покупке комфортного жилья. Ехать в иномарке представительского класса по знакомым улицам было неудобно. Стольникову хотелось выбраться наружу, сесть на броню «мерина» и широко расставить ноги, поставив меж

них автомат.

Но автомата не было и в ближайшее время не предвиделось. Пока ехали, Зубов разметил на коленях общий план Той Чечни. На нем ясно были обведены границы тюрьмы и подступы к ней. Из видимых препятствий по дороге, ведущей к воротам «Миража», – лишь небольшой блокпост.

– Послушайте, товарищ генерал, – повернулся Саша к Зубову. – Вот что в голове не укладывается. Ладно, зэки не знают о том, где находятся. Но конвой, охрана, обслуга тюрьмы? Они не могут попадать в Ту Чечню с завязанными глазами, как зэки? Они же ясно представляют о том, где работают, и о том, как в случае необходимости выйти из лабиринта. Иначе о какой особой секретности мы говорим?

Зубов положил на карту широкую ладонь.

– Саша! Хозобслуга «Миража» – сами зэки. Из числа тех, кто пошел на контакт, но чье прошлое простить нельзя. В этом смысле им дано некоторое послабление, хоть они и не предполагают, что выйти на волю им никогда не удастся. Они во что-то верят, и эта вера заставляет их дорожить своим местом. Оказаться снова в камере – раз плюнуть. Достаточно передать информацию или окрыситься на охранника. – Зубов вынул пачку сигарет и закурил. – С момента вашего последнего поиска прошло много времени, капитан... Теперь тоннель – не черед лабиринтов и аркад. Тоннель – это железная дорога с множеством поворотов. Но все-таки это прямая, если говорить образно. Тот пульт, что у тебя в карма-

не, – это просто подстраховка на тот случай, если вдруг выйдет из строя транспорт или отключится энергия в тоннеле. Сейчас, когда тюрьма в руках бандитов, возможно все... Вы сядете в скоростной вагон и через три часа окажетесь на месте. Точно так же доставляется в тоннель охрана.

– Да, охрана, – многозначительно сделав ударение, напомнил Стольников.

– Охрана считает, что тюрьма «Мираж» – совместный проект грузинских и российских властей под общим управлением России, но находящийся на территории Грузии. Дезинформация для общего пользования внутри зоны – «Мираж» находится неподалеку от поселка Телави, в долине реки Алазани.

– И кто-то верит в совместный проект Тбилиси и Москвы? – усомнился Жулин.

– Со дня открытия «Миража» была пущена дезинформация. На территории Грузии нашими спецслужбами было задержано около ста грузинских наемников, проходивших обучение в лагерях на территории Чечни и Дагестана. Задержание, допросы, аресты, транспортировка – все было сфальсифицировано от начала до конца. Бандиты считали, что их допрашивают грузинские власти. После суда...

– Который тоже был сфальсифицирован, – вмешался Ключников.

– Совершенно верно, – подтвердил Зубов решительно. – А ты хотел, чтобы он резал детей в Дагестане, а потом через

десять лет вышел на свободу? Разве пылесос, чистя ковер в твоём доме, засасывает только то, что предусмотрено по закону заводом-изготовителем?

– Давайте продолжим, а то мы уже въезжаем, кажется, – попросил Стольников, видя, как перед ним распахиваются высокие стальные ворота НИИ.

– Эта сотня грузин, воевавших в бандах Басаева, Кулоева и прочих уродов, является нашей информационной опорой. Они будут стоять насмерть, утверждая, что оказались в «Мираже» после суда в Грузии. Таким образом охрана считает, что охраняет тюрьму в Грузии. А доставляется туда сквозь тоннель в горном хребте, разделяющем Чечню и Грузию.

– И что, это всегда прокатывало? Неужели информация ни разу не просочилась вне? – удивился Айдаров.

– Ну почему же, – просто согласился Зубов. – Конечно, просачивалась. Каждый день просачивается! Спецслужбы США, Грузии и общественные организации ищут «Мираж» на севере Грузии, всматриваясь в каждую пядь земли от Казбека до Гуриани. Даже на дельтапланах летают.

Мамаев хохотнул.

– С космоса фотографировали. До сих пор ищут. Пусть ищут. А охрана работает, рассказывает правду, очень похожую на байки, и аккуратно получает довольно высокую по меркам Чечни заработную плату.

– Но они должны же были рассказать, что в тоннель, ведущий якобы в Грузию, они проникают через НИИ! – не вы-

держал Стольников.

– Мой НИИ всегда открыт для сотрудничества. За время его работы было разоблачено более двух десятков внедрившихся агентов. Я повторяю: чтобы оказаться в институте, нужно сначала проникнуть в городок при нем. Мой «Мерседес» въехал в городок, если вы заметили, через многоступенчатую систему охраны.

Поднявшись в кабинет Зубова, они продолжили разговор. Сотрудники НИИ, охрана, рабочие, все они жили на территории городка, в котором находился детский сад, школа, магазины, получали высокую зарплату и никто не хотел оказаться вне этих стен. Сыграно на психологии местных было тонко: в условиях нужды люди держались за свои места и никто не хотел ошибиться, вновь оказавшись в родном Ачхой-Мартане или Шали, в запущенном доме, без каких-либо перспектив в жизни. С родственниками – да, встречались, выход в принципе был вообще свободный, но здесь снова работал менталитет людей, повидавших в жизни нужду. Никто не хотел частить с выходами, опасаясь быть заподозренным и уволенным. Увольнение означало возвращение из уютных квартир и удаление от магазинов, в которых килограмм баранины стоил сто рублей. В родном Ведено на фоне сияющих зданий Грозный-сити сводили концы с концами и слушали по радио новости о приезде на день рождения президента Кадырова голливудских кинозвезд, а в детском саду городка при НИИ детям на завтрак подавали красную икру,

а на полдник авокадо.

Стольников вынул из кармана телефон, но связи не было.

– Пустые хлопоты, – успокоил Зубов. – Сотовая связь на территории городка есть только у меня и еще у нескольких человек, посредством которых управляются подразделения НИИ.

– Они что-то знают?

– Нет. В НИИ о Той Чечне знают только шестеро.

Ключников огляделся.

– Нас здесь вроде пятеро.

– Ты забыл о человеке, который поможет вам в «Мираже» работать с приборами и электроникой. – Зубов глянул через плечо. – Полковник!..

Дверь кабинета Зубова, ведущая в смежное помещение, открылась. Стольников обернулся и увидел Ждана.

– Лейтенант!.. – воскликнул Ключников, хохоча.

– Уже полковник, – повторил Зубов.

Одиннадцать лет назад выпускник института космических войск Ждан был одним из членов группы капитана Стольникова, побывавшей в Той Чечне.

– Значит, ты не исчез, как все, – с холодком проговорил Саша, который был удивлен, и удивление это нельзя было назвать приятным.

– Он не мог исчезнуть, – вступился генерал. – Его отец занимал высокую должность, исчезновение сына не могло пройти незаметно. Но Ждан оказался крепким орешком...

– Кто знает... – пробормотал Стольников, глядя на полковника Ждана.

Ждан изменился внешне лишь частично. Пополнел, возмужал – да, но детская непосредственность с лица не исчезла.

– И как я могу вести группу, когда в ней будет человек, который не выполняет моих распоряжений?

Зубов встал из кресла и подошел к капитану.

– Саша, это я приказал Ждану не выполнять твой приказ. Его отец – мой близкий друг, если помнишь. И я сделал все, чтобы оставить его сына в этой жизни.

Прозвучало неприятно для слуха. Без труда можно было ловить мысль о том, что оставлять в этой жизни его, Стольникова, а также Жулина и других генералу не было нужды.

Стольников промолчал. Неприятное открытие. Да и плевать. Жаль только тех ночей, когда он вспоминал Ждана наряду со всеми, думая, что тот приобрел будущее, равное для всех. Ан нет, парень двинулся по служебной лестнице, сделал карьеру, сейчас полковник. Наверняка женат, в Москве дети, собака, счет в банке на его имя, а не на другое. Крепко спит и не боится, что однажды в спальне раздастся грохот выламываемых окон и вломятся люди из спецслужбы, имеющие целью выкрасть, привести в состояние растения и заставить замолчать навсегда.

Еще минуту назад все было понятно. Сейчас же в группе появилось напряжение, и Саша опасался, что это напря-

жение помешает работе. Он никогда не выходил с группой на боевое задание, если сомневался в ком-то. Заменял или просто оставлял в подразделении. Сейчас ни того ни другого сделать было нельзя. Ждан – факт, не подлежащий обсуждению. А потому Стольников принял этот факт и смирился. Личные чувства в работе хороши, когда их нет.

– Женщины в тюрьме есть? – спросил он, спускаясь вслед за Зубовым на первый этаж здания. – Я на тот случай, чтобы не спутать вашу дочь с кем-то.

– Нет, там женщины не содержатся. Не для них режим... Стольников хотел спросить, что это значит, но не стал – они спустились еще этажом ниже и оказались на цокольном этаже. Перед входом Саша заметил, что Зубов открыл своим электронным ключом тяжелую металлическую дверь. Толщина ее была не менее сорока сантиметров, и если бы не гидравлические направляющие, похожие на те, что поднимают тракторный кунг, вряд ли ее можно было открыть вручную. Оказавшись в просторном фойе, Стольников обнаружил знакомое приспособление – стол с упорами для автоматов. Здесь конвой перезаряжал оружие, надо полагать. Тут же вдоль стен стояли наполненные автоматами и снаряженными магазинами шкафы с оружием. Они были заперты, но сквозь толстое стекло хорошо были видны стройные ряды «калашниковых». Некоторые ячейки пустовали. И сейчас эти автоматы гуляли по тюрьме «Мираж».

– Почему бы нам не прихватить по одному? – предложил

Жулин.

– Потому что вы не на штурм идете, а готовитесь слиться с общей массой головорезов.

– О, у нас это легко получится, – заверил Ключников. – На рожу Татарина посмотреть, так это не ему, а общей массе с ним сливаться нужно.

Запахло как в автомастерской. Стольников понял, что где-то неподалеку находится место посадки в подвижной состав. Так и вышло. Пройдя сквозь еще одни двери, они оказались на тускло освещаемой платформе. Железнодорожный перрон в миниатюре. Зубов зашел в стеклянную будку, выполняющую здесь роль кабины оператора, и задвигал рычагами. Вспыхнул свет, громыхнули двери, и к перрону мягко, едва слышно, подкатил мини-поезд из трех открытых вагончиков.

Надписи «Проверь оружие», «Пристегнуть ремни» – вызвали у всех улыбку. Кажется, только что случилось возвращение Стольникова, Жулина, Айдарова и Ключникова в те времена, когда все было подписано и на всех стенах висели инструкции на самые неожиданные темы. Например, как пользоваться фонарем «летучая мышь» или сушить валенки в сушилке.

– С возвращением, – произнес Зубов в микрофон. Его голос донесся из динамиков, закрепленных на потолке вагончиков. – Сейчас я отправлю вас к «Миражу». Окна автоматически закроются. Поезд сам остановится у платформы. Ждан

все знает. Я жду вас живыми.

Он не добавил «с Ириной», и капитан едва заметно улыбнулся. Генералу хватило такта не сказать главное. Покосившись на Ждана, Стольников развалился в кресле, но ненадолго. Раздался щелчок, и откуда-то из-за спинки сиденья стали выползать стальные обручи, обхватывая его тело справа и слева.

– Это что-то вроде ремней безопасности, – объяснил Ждан, глядя в пол. Осторожно выпростав руку из ремня, он снял с плеч небольшой ранец и поставил под ноги. Определить, что находилось в ранце, было невозможно.

– А Зубов говорил, что оружия у нас не будет, – глядя мимо полковника, произнес Стольников.

– Это не оружие.

Саша едва заметно улыбнулся.

«Или лох, или луну крутит, – подумал он. – Разреши мне взять ранец, так неужели я не нашел бы в нем места для заточки и пары ножей для метания?»

Вагон был рассчитан на пятнадцать человек, так было написано над входом. Сейчас внутри его сидели пятеро. Стольников расположился напротив полковника и едва заметно улыбался. Как странно все-таки жизнь устроена. Вышли они из лабиринта одиннадцать лет назад, взяли каждый свою долю – не за ней шли, но так вышло, жить нужно было – и все разошлись, повинувшись приказу командира. И только один, сам офицер, взял долю и отправился не на вокзал, чтобы на-

всегда исчезнуть из памяти тех, кто его знал, а к папе. И папа все обустроил. Рискую жизнью десяти других. И не было сомнений уже в Стольникове: эта слежка в Инсбруке – конечная фаза операции по его задержанию, начатая одиннадцать лет назад. Не могли Зубов, Ждан и его отец-генерал все обустроить четко и слаженно. Где-то случился прокол, появилась петелька, и за него мертвой хваткой тут же вцепился крючок спецслужб. Тот голубоглазый, с которым Саша говорил на лавочке – если бы не он, то Стольников уже давно лежал бы в земле. Или булькал в бочке с серной кислотой. Да мало ли способов избавиться от него, получив информацию? Обкололи бы в лаборатории ФСБ галоперидолом, сломали, и вспомнил бы капитан, как нужно всех побывавших в Чечне в одном месте собрать. И появилось бы через день объявление в «Доске объявлений», а потом – всех, всех! – и Маслова, и Жулина, схватили и превратили в трупы. Вот чем рисковал Ждан, отправляясь одиннадцать лет назад к папе за советом...

Поезд летел по рельсам, и Стольников даже не брался определить его скорость. Может, сто, может, сто пятьдесят километров в час. Скорость снижалась всего четырежды, и только на поворотах. Первые две трети пути пассажиры молчали, и только когда стало ясно, что конечная близка, Стольников махнул рукой, и бойцы поднялись, подсаживаясь поближе.

– Наша задача – марш-броском преодолеть три километ-

ра, разделяющие выход из лабиринта и тюрьму. Снаряжения нет, поэтому за полчаса, думаю, управимся.

– Три километра за полчаса? – усмехнулся Айдаров. – Это же пешком, сдувая одуванчики?

– Как было видно на карте Зубова, по пути нам встретится блокпост. Мы его обходим. На это уйдет время. Как войти на территорию «Миража» – об этом мы подумаем, когда появимся перед воротами. В любом случае нам придется дожидаться темноты.

– Я открою один из входов, – бросил Ждан.

Стольников посмотрел на него.

– Очень хорошо. Значит, нам не придется терять на это время. Оказавшись внутри, расходимся и начинаем искать девушку. В тюрьме есть место, где мы можем, не вызывая подозрения, встречаться каждые полчаса?

– Да, – ответил полковник. – Я думаю, лучшего места, чем столовая, не отыскать. Она небольшая по размерам, но неподалеку есть склад с продуктами питания. Каждые три месяца в «Мираж» завозится провиант. Последний завоз был всего неделю назад, и еды там видимо-невидимо. Даже если организаторы бунта установили контроль над кухней, там будет скопище народу. В толпе лучше всего теряться...

– Жаль, ты не руководствовался этим правилом одиннадцать лет назад, – заметил Жулин.

– Олег, я тебя не спрашивал, – отрезал Стольников. – В тюрьме есть оружие, но его немного. Наверняка оно уже рас-

пределено. Таким образом, слова Зубова о том, что мы должны добыть себе оружие сами, – ничего не стоят. Оружия мы не добудем. Если только кухонный нож. Поэтому действовать придется по обстоятельствам. До обнаружения девушки автомат в руке любого из нас сразу вызовет подозрение. Ну, вот и приехали... За мной.

Поезд остановился, двери открылись, группа сошла на перрон.

Глава 5

– Это выход, – Ждан кивнул на узкую металлическую дверь в стене. Судя по материалу, из которого она была сделана, ее толщина не уступала той двери, которую в НИИ открывал Зубов. – Техника грузится там.

Посмотрев, куда указывал палец полковника, Стольников обнаружил эстакаду, подведенную к широкому, запертому пролету.

– К воротам грузового назначения подъезжают машины, принимают груз и доставляют в «Мираж».

– Я вот сейчас подумал, – заговорил Саша, – а почему Зубов уверен, что бандиты продолжают оставаться в тюрьме? Им известно, что «Мираж» находится на территории Грузии. То есть там, куда они обычно бегут, чтобы зализать раны и отожраться после боев с федералами. Почему бы им не выйти из тюрьмы, что сейчас совсем не трудно, не сесть в эти машины и не раствориться в горах? Оттуда бежать в Иран, Азербайджан, да и остаться в самой Грузии – проще простого. Зачем им продолжать сидеть? Понятно, что никакого Ирана поблизости нет, как и Грузии, но они-то об этом не знают. Почему же тогда сидят?

– Хороший вопрос, – заметил Ключников.

Ждан с досадой pokrutil головой. Было видно, что из каких-то соображений они с Зубовым что-то недоговаривают.

То ли выдать маленькие секреты свои бояться, то ли некогда было посвящать в детали.

– Не проще простого! Не проще. Они носа за стены не сунут!

– Это почему же? – вмешался Айдаров.

– Потому что им известно, что в кровь каждого из них введен препарат, который превращается в тромб в случае пересечения запретной зоны тюрьмы!

– Это как?.. – растерялся Айдаров, а Стольников с интересом оперся на дверь, которая до сих пор еще не открылась.

– Внешнее ограждение тюрьмы представляет собой пятиметровый забор из кевлара, внутрь его вмонтированы датчики, реагирующие на ксеролит – вещество, легко усваиваемое кровью и не влияющее на процессы организма. Совершенно безобидное в любых других условиях! Но стоит человеку, в крови которого ксеролит, оказаться в двух метрах от забора, срабатывают датчики. Они отправляют сигнал в центр управления, и уже из центра посылается сигнал на активацию ксеролита. Происходит воспаление стенок вен и образование тромба. Тромбофлебит протекает очень быстро. От образования тромба до попадания его в легочную артерию проходит не более трех минут. Нужно вам объяснять, что за этим следует?

– Как далеко зашла тюремная медицина! – восхитился Ключников. – А бывает такое, что к забору приблизился один, а коньки откинул кто-то другой? Интересно, как центр

определяет, кто проказник?

Ждан посмотрел на него со сдержанным раздражением.

– Кто у забора, тот коньки и откидывает. Неужели непонятно? Ты слышал слово «датчики» в моем рассказе? Датчик посылает сигнал в центр, оттуда – команду, после чего активирует ксеролит в крови нарушителя.

– Теперь понятно. И что с того? Тюрьма в руках бандитов. Неужели они не могут приказать персоналу, ответственному за обслуживание этого центра, дезактивировать и эти датчики, и ксеролит, и все остальное, я уже не говорю об электронных замках на воротах?

– Приказать они могут, да только персонал бессилён им помочь. Центр управления в «Мираже» не автономен, он абсолютно зависим от центра управления в НИИ. Дать команду на дезактивацию может только Зубов.

– Открывай дверь! – приказал Стольников.

Он никогда не задумывался, что дышит тем же воздухом, что и по ту сторону тоннеля. Те же запахи трав предгорья, тот же аромат разогретых солнцем медуниц. Но в какой-то момент, кажется, именно тогда, когда дверь распахнулась и перед Стольниковым раскрылась панорама Другой Чечни, разделившей его жизнь надвое, ему показалось, что случилось что-то важное. Вдыхая полной грудью этот воздух, капитан понял, чего ему так не хватало одиннадцать лет скитаний. Не знакомых лиц в Грозном, где в пределах аэропорта «Север-

ный» располагалась его бригада, не строя бойцов, готовых взойти на броню и отправиться на задание и повиноваться каждому его слову. Не дела, которому отдал годы службы. Выйдя на свет и ведя за собой Жулина, Ключникова, Айдарова и Ждана, Саша понял, что все эти одиннадцать лет его непреодолимо тянуло сюда, в Другую Чечню. Он хотел вернуться, но боялся признаться в этом. И сейчас, легким бегом направляясь в сторону «одиннадцати часов», как принято именовать направления у военных, ориентируясь по представляемым часам, Стольников чувствовал, что улыбается.

Далеко впереди – не менее километра – виднелось здание блокпоста, перекрывавшего дорогу на «Мираж». Стольников спустился в ложбину, уходящую западнее этого направления. Зубов просил не афишировать свое присутствие здесь. Да будет так.

На бегу он посмотрел на часы. До захода солнца оставался час, может, полтора. Можно было пройти расстояние пешком, но Стольников хотел осмотреться. Как артисты, перед тем как надеть одежду главного героя на премьеру, он хотел обносить ее – оказаться на месте, обжиться, привыкнуть. Будущее группы и задания зависит теперь только от него. Все как прежде...

Дорога, очерчивая овраги, петляла, теперь группа шла по прямой. Таким образом, ускорившись, чтобы перемахнуть через бугор, Стольников с бойцами рискнул всего однажды. Но все прошло благополучно. Стоявшие в форме грузинско-

го и российского спецназа бойцы на блокпосте этого маневра не заметили. Над заставой полоскались на ветру два флага – России и Грузии. Редкий случай увидеть их вместе. Стольников про себя усмехнулся: «А некому здесь возмутиться...»

И через четверть часа, поднявшись на холм и не рискуя попасть в объективы биноклей с заставы, Стольников, а вслед за ним и бойцы поднялись на холм, чтобы встать напротив «Миража».

– Мама дорогая... – только и смог вымолвить Ключников, изумленно оглядывая раскинувшуюся перед ним панораму.

– Сколько же денег сюда вбухано? – усмехнулся Жулин и, закашлявшись, сплюнул под ноги.

– Сто миллиардов рублей, – подсказал капитан.

«Мираж» по высоте напоминал девятиэтажное здание. Собственно, так и было. Точное количество этажей посчитать было трудно из-за высокой стены, но крыша виднелась, и ее конек торчал над двадцатиметровым забором еще метров на десять.

– Построено «колодцем», внутри дворик, – тяжело дыша, объяснил Ждан. – От стен здания до «запретки» – сорок метров. Все полностью автоматизировано, управление происходит через центральный пост.

Было видно, что последние одиннадцать лет бывший лейтенант, а ныне полковник Ждан бегал не часто. В отличие от своих спутников он выглядел грузновато и несколько километров быстрого шага дались ему непросто.

– Куда ты нас поведешь? – спросил Стольников. – Где этот вход, о котором не знает никто из зэков?

– Не только из зэков. Никто не знает.

– Знает тот, кто строил, – отрезал Стольников, уже сообразивший, что у стен не осмотришься. – Открывай же кроличью нору. Для всех: действуем по обстановке. Первым делом – найти место, где они удерживают девушку. Ждан, ты хоть знаешь, как она выглядит?

– Знаю... Но если ты увидишь здесь девушку – это и есть Ирина.

Что-то помимо информации прозвучало в этом ответе, но Стольников решил не утруждать себя анализом. Истекало время, подаренное Зубову правительством. После начала штурма живые в этой тюрьме позавидуют мертвым. Стольников в этом почему-то не сомневался. Но это случится через сутки. А сейчас нужно было разыскать в этом огромном доме девушку.

Здесь группу повел Ждан. Выйдя вперед и поглядывая на наручные часы, которые, видимо, показывали на его руке не только время, он трусцой припустил к западной стене. Кивнув Жулину, Саша двинулся за ним. Еще раз проверившись на месте, полковник остановился и вытер рукой пот с лица.

– Много воды пьете, товарищ полковник, – заметил Ключников.

Несмотря на то что на стене торчали перископами камеры, Ждан смело приблизился и вынул из ранца небольшое

устройство, похожее на трубку телефона спутниковой связи.

– Отключены? – уточнил на всякий случай Стольников.

– Зубов должен был создать помехи. С девятнадцати тридцати до девятнадцати сорока пяти мониторы в операторской откажутся работать, – Ждан включил устройство, и оно издало писк.

Осмотрел стену. Отошел шагов на восемь правее и набрал какой-то номер на клавиатуре.

Капитан резко повернул голову на шум. В стене появилась прямоугольная щель. Размером она была – только-только втиснуться одному человеку. Удивительно, но Стольников ее заметил только тогда, когда сработал механизм, приводящий дверь в движение. Зазоры в стене были невидимы глазу. Отъехавшая назад дверь откатилась в сторону.

– Больше всего я боялся, что может заклинить, – признался Ждан, пряча прибор в ранец. – Это аварийный вход, он ведет к караульному помещению. Дверью не пользовались со дня открытия «Миража»...

– И что было бы, если бы заклинило? – с издевкой поинтересовался Айдаров. – Мы побежали бы обратно?

– Поберегите силы, – зловеще посоветовал Ждан. – Караульное помещение, конечно, захвачено бандюками. И вы встретитесь с ними через пару минут.

– А вы не встретитесь? – полюбопытствовал Ключников, приближаясь к двери и освобождая место для командира.

Стольников заметил этот маневр. Одиннадцать лет про-

шло, но в тех, кому он привык доверять, осталась привычка на всю жизнь – первым всегда идет командир. Он, Стольников. Одиннадцать лет прошло, а ничего не изменилось. Саша почувствовал, как начинает греться кровь в венах. Адресалин еще не хлынул, но пусковой механизм уже пришел в движение...

– И я встречаюсь, Ключников, но последним из вас. Потому что если пойду первым, некому вас вести по «Миражу» будет. Андестенд?

– А если я пойду первым, кто тебя на киче защищать будет? – рассмеялся Ключников.

– Рты все закройте, – миролюбиво процедил Стольников. – Ждан, сколько стульев в караульном помещении?

Он решил задавать вопросы по мере необходимости. Их у него накопилось уже не менее десятка, но загружать ими Ждана, который заметно нервничал, не хотел.

– Стульев?..

– Да, стульев!

– Три... Да, три. В каждом караульном помещении, а их четыре – по три стула. А какое это имеет значение?

– Значит, в помещении будет не более четырех человек.

– Почему? – округлил глаза Ждан. Он знал об умении беглого капитана мыслить быстро не понаслышке, но, видимо, отвык после долгой разлуки.

– Потому что – какой смысл стоять там? Трое сидят, один может стоять, но двое стоящих – это перебор. Слишком мно-

го других мест, где постоять можно.

«Логика спорная, – решил Ждан, – но по существу верно».

Они прошли еще с десяток шагов по узкому – не разойтись и двоим – коридору и оказались перед такой же узкой дверью, что и на входе. Зазоры в стене были настолько малы, что заметить их можно было только случайно. Да и незачем было приглядываться к стенам заключенным на вечное поселение бандитам, знающим, что приближение к стене равнозначно смерти.

Первая дверь открывалась не так быстро. Стольников прикинул: три секунды. Этого достаточно, чтобы вскочить со стульев, схватить автомат и полоснуть по образовавшемуся в стене проему очередь. Служба у бандитов наверняка налажена. В этом отношении чехи и наемники могут дать несколько очков вперед кадровым военным. В зоне наверняка находятся и полевые командиры, и их помощники. Вокзалных воров в этой тюрьме не держат. Заключенные все как один прошли через месиво двух чеченских кампаний, а кто-то из них и через множество других. Иерархия после захвата тюрьмы мгновенно выстроилась в правильную пирамиду: кто-то нынче стоит на посту, кто-то в операторских, кто-то кашеварит, а главари перетирают по поводу дальнейших планов. Единственное преимущество против этой системы – незнание бандитами о том, где находятся. Но сейчас, когда откроется дверь и Стольников ворвется в караульное

помещение, это не будет иметь никакого значения...

– Открывай.

И в этот момент Саша почувствовал, как закипевшая кровь стала разгоняться по организму, толкаемая частыми качками сердца...

Ждан набрал на устройстве очередной номер, и дверь, пыхнув пылью, отъехала в сторону, как и наружная.

Не дожидаясь, пока она упрется в стопор, капитан забросил свое мощное тело в проем и увидел троих, сидящих на стульях. В караульном помещении был включен телевизор. Саша успел подумать о том, что нужно отдать должное людям, обустроивавшим «Мираж». Там, где не было сотовой связи, телевизоры показывали грузинские последние новости.

Он не знал, что новости шли в записи на носителях, завозимых в тюрьму каждым третьим караулом. Новости записывались за три дня, после чего перемещались в Эту Чечню и крутились по ТВ как свежие. Жизнь в «Мираже», разделяемая от жизни в привычном мире тоннелем, опаздывала на трое суток.

– Ни звука!.. – прокричал Стольников, бросаясь к дальнему, за столом. Он скомандовал не бандитам, своим.

За спиной его раздались звуки ударов и крики.

Все трое были вооружены. Автоматы стояли рядом, у стен, и капитан, бросаясь к «своему» заключенному, заметил, что на всех трех «калашниковых» предохранители опу-

щены.

Бандит, вскочив, оказался одного роста с Сашей. Настолько же надежен в плечах и резок в движениях. Но оружия достать он уже не мог. Бросившись к столу, Стольников ударом ноги отбросил автомат в угол.

Короткий удар – и боевик, схватившись за шею обеими руками, ударился спиной о стену.

Ударом ноги Стольников во второй раз поразил его горло. Из рта бандита хлынула кровь...

Жулину повезло меньше. «Его» бандит успел дотянуться до автомата и перехватить оружие для стрельбы. Прапорщик подсел и носком мокасина выбил магазин из автомата. Этой же ногой, не задержавшись ни на мгновение, скользнул вдоль оружия и с щелчком затвора выбросил из ствольной коробки находившийся там последний патрон. И в этот момент бандит перехватил оружие как дубину и коротко размахнулся...

Ключников поступил проще. Ему оставили самого ближнего ко входу. Почти с разбега сержант врезал ему кулаком в нос. Боевик потерял сознание раньше, чем упал. Не останавливаясь, Ключ зашел ему за спину, обхватил голову руками и резко повернул в сторону. Разжав руки, выпустил мертвое тело и бросился на помощь Жулину, который успел поднять руки, закрывая голову от сокрушительного удара автоматом...

Превращенный в палицу «калашников» не долетел до головы прапорщика. Встретившись с ногой Ключникова, он

отлетел к входной двери и гулко ударился о ее металлическую поверхность.

Ударом в пах Жулин повалил боевика на пол, а Ключников, бросив взгляд на Стольников и убедившись, что с командиром все в порядке, упал бандиту коленом на грудь. Всхрипнув, арестант задохнулся и округлил глаза.

– Не с тобой ли я встречался в Бамуте? – выдавил Ключников и, подняв налитый силой кулак, ударил жертву в горло. Еще секунда и, обхватив голову боевика руками, Ключников сломал позвонки и ему...

Не желая рисковать, Саша подхватил поваленный стул, одним движением оторвал от него ножку и, перехватив обеими руками, с коротким выдохом всадил ее в бурлящий красной жижей рот бандита.

Все было кончено.

Капитан и его бойцы стояли посреди караульного помещения, забрызганные кровью.

– Где Айдаров? – прохрипел Стольников, обводя блестящим взглядом помещение.

Бывший снайпер группы капитана Стольникова, заскочив в караульное помещение последним, оценил обстановку и бросился в комнату отдыха. Там, на обшитой дерматином кушетке с поднятой у изголовья спинкой, на пример лежачок в армейских караульных помещениях, спал четвертый. Сон бандита был крепок. Он так и не открыл глаз, не увидев смерти и не испугавшись ее. Ударом ребра ладони Айда-

ров перебил ему гортань, после чего навалился всем телом и придушил. Как и просил командир – без звука.

– Ты почему не сказал, что в караульном помещении две комнаты? – с раздражением бросил Стольников.

Ждан, которому адресовался вопрос, дышал по-прежнему тяжело и прерывисто.

– Я сам не знал... Поверь, Саша...

– Ты знал, что стульев в караульном помещении – три, и не знал, что в караульном помещении две комнаты?!

– А ты, бывший командир подразделения, сам не мог догадаться?!

Приблизившись к столу, капитан посмотрел на экран монитора. Увидеть что-то было невозможно – кровь боевика стекала по экрану ручьями. Наклонившись и оторвав от рубашки мертвого бандита подол, Саша протер монитор и внимательно присмотрелся.

– Это – зона западной стены до здания «Миража». Караул меняется каждые два часа.

– Да уж конечно, – заверил Стольников. – Они все в армии служили, зачем им менять то, что работает. – Он посмотрел на часы. – Сейчас без четверти восемь. Если они несут службу по примеру внутренней службы Вооруженных сил, то смена появится через пятнадцать минут.

Он отошел от стола и осмотрел помещение.

– У нас десять минут, чтобы навести здесь порядок. Встретим смену как положено.

Двое из четверых были похожи на славян. Значит, со смелой можно будет говорить на русском. Впрочем, Зубов говорил, что тюрьма интернациональная. Здесь есть и грузины. А тот, что в комнате отдыха, очень на грузина похож. Хоть и трудно отличить чеха-бандита от грузина-бандита, когда они мертвые, но все-таки похож. А это значит, что говорят здесь в основном, как хотите, по-русски. Может быть, там, наверху, где тюрьмой управляет временное правительство, – там разговаривают на чеченском. В последнем Стольников даже не сомневался.

Экран монитора был разбит на две равные части. К каждому из объектов, а их было, соответственно, два, вела дорожка. Вышка у стены и дверь в здании. С вышкой все было понятно – на ней стоял и курил бандит. Автомата при нем не было, видимо, поставил под ноги. Развалившись плечами на перилах, он пускал в небо струйки дыма и наслаждался хотя и сомнительной, но все-таки свободой. Что за объект был в здании, оставалось только догадываться.

«Все правильно, – подумал Стольников. – Служба организована по-военному. В помещении четверо: двое бодрствующих и двое отдыхающих. Просто один из отдыхающих пришел посмотреть телевизор. Сейчас приведут двоих с постов. Значит, их будет – трое».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.